Валерий Солдатенко

История сталинизма

Россия – Крым – Украина

Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны

История сталинизма

Валерий Солдатенко

Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Солдатенко В. Ф.

Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны / В. Ф. Солдатенко — Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2018 — (История сталинизма)

ISBN 978-5-8243-2212-5

В кратком очерке предпринята попытка на строго документально-фактологической основе проследить тенденции, сущность, характер взаимоотношений между возникавшими в годы революции и Гражданской войны (1917–1921) национально-государственными и административно-территориальными образованиями – России, Украины и Крыма. Анализируется процесс образования Крымской Автономной Социалистической Советской Республики (1921). Для всех, кто интересуется нашим прошлым и настоящим, думает о будущем. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2212-5

© Солдатенко В. Ф., 2018
© Автономная некоммерческая организация "Издательство "Политическая энциклопедия", 2018

Содержание

Введение 9
I. 1917 г. как историческая увертюра к судьбоносным трансформациям национально-государственной жизни 13
1. Крушение Российской империи 13
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Валерий Солдатенко
Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны

Еврейский музей и центр толерантности

Издание осуществлено при финансовой поддержке Еврейского музея и Центра толерантности

© Солдатенко В. Ф., 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

Солдатенко Валерий Фёдорович – родился 13 апреля 1946 г. в г. Селидово, Донецкой обл. (Украина).

Окончил исторический факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Член-корреспондент Национальной академии наук Украины, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины.

Лауреат премии НАН Украины им. Н. Костомарова и международной премии им. В. Винниченко.

Сфера научных интересов – история общественно-политического, революционного, национально-освободительного движений XX века.

Важное место в исследованиях уделяется выяснению различных аспектов исторической и национальной памяти, генеалогии украинской идеи, опыту государственного строительства, соборничества, международной и военной политики, разработке проблем историографии и методологии науки, современного украиноведения, политологии. Автор около 800 публикаций, 30 из которых – индивидуальные монографии.

В их числе: «Украинская революция: концепция и историография» (в 2 т. К., 1997, 1999);

«Украинская революция. Исторический очерк» (К., 1999);

«Несломленный: жизнь и смерть Николая Скрыпника» (К., 2002);

«Георгий Пятаков: мгновения неспокойной судьбы» (К., 2003);

«Три Голгофы: политическая судьба Владимира Винниченко» (К., 2005);

«В поисках социальной и национальной гармонии. (Эскизы к истории украинского коммунизма)» (К., 2006);

«Винниченко и Петлюра: политические портреты революционной эпохи» (К., 2007);

«Украина в революционную эпоху: Исторические эссе-хроники» (в 4 т. Годы 1917–1920) (Харьков; Киев, 2008–2010);

«Проект “Украина”. Личности» (К., 2011);

«Революционная эпоха в Украине (1917–1920 гг.): логика постижения, исторические личности, ключевые эпизоды» (1-е и 2-е изд. К., 2011, 2012);

«Украина. Год 1917» (К., 2012);

«Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг.» (М., 2012);
«Демиурги революции. Очерк партийной истории Украины 1917–1920 гг.» (К., 2017);
«Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина» (М., 2017).

Введение

Очевидно, в последние годы нет в мире политических лидеров, функционеров международных организаций, которые бы публично не высказывались о крымской проблеме, перспективах ее разрешения. Спектр мнений невероятно широк – вплоть до полярно противоположных, взаимоисключающих. Используются различные аргументы, в том числе исторические факты, документы. Но их трактовки очень часто существенно отличаются, нередко «подверстываются» под желаемый (т. е. конъюнктурный) результат, грешат против объективности, реализма. Вряд ли в ближайшее время удастся преодолеть противоречивые, несовместимые подходы, поскольку дискутанты преследуют преимущественно политические цели, не смущаясь, приносят в жертву истину.

И если уж прибегать к оперированию доказательствами, связанными с сюжетами исторической ретроспективы, то они окажутся приемлемыми, убедительными и даже по-настоящему выигрышными, если в их основание будет положено реалистическое знание, а в оценках и выводах безоговорочно станет доминировать непредвзятый, строгий, последовательный научный анализ.

Конечно, при этом нельзя не учитывать исторической динамики своеобразных, нередко существенно отличающихся стадий развития означенных субъектов взаимоотношений (и России, и Украины, и Крыма) в разные периоды, изначально отказавшись от исследовательских реконструкций в упрощенной системе координат. Каждый исторический этап имел свои качественные особенности и потому требует предметного, обстоятельного изучения при общем понимании, что проявлялись одновременно, параллельно или во взаимопереплетениях, взаимодополнениях и некие фундаментальные, определяющие, «сквозные» тенденции, и временные, конъюнктурные факторы.

Учитывая данное обстоятельство, представляется возможным и необходимым избрать предметом специального рассмотрения один из переломных и весьма насыщенных векторными изменениями исторических рубежей – революционную эпоху 1917–1921 гг., попытаться увидеть в процессах столетней давности корни последующих весьма непростых, часто неоднозначных, порой даже труднопостижимых явлений.

Конечно, результативно это сделать можно лишь с учетом достижений историографии.

При этом надо изначально отдавать себе отчет, что взаимоотношения между обозначенными государственно-административными субъектами были производными от политических, во многом – военно-политических факторов, сущностей господствующих политико-правовых систем и режимов, динамики их смены, ориентаций и поведения государственных, общественных деятелей и массы других аспектов революции, гражданской войны, иностранной интервенции. Ввиду этого внимание следует фокусировать на более узком историографическом сегменте, частично на выборочном подходе к историческим студиям, сознательно допуская определенную асимметрию в сторону более детального анализа в некоторых случаях событий в Крыму[1], поскольку анализ изменений ситуации в материковой части (и России, и Украины)

[1] См.: *Надинский П.М.* Очерки по истории Крыма. Ч. II: Крым в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917–1920 гг.). Симферополь, 1957. 304 с.; *Чирва И.С.* Крым революционный. К., 1963. 172 с.; История городов и сел Украины. Крымская область. К., 1974. 624 с.; Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. 376 с.; *Чумак ВА.* Україна і Крим: спільність історичної долі. Феномен на межі Європи та Сходу. К., 1993. 80 с.; Гарчев П.І., *Кононенко Л.П., Максименко М.М.* Республіка Тавріда. К., 1990. 127 с.; *Володарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. 160 с.; Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. 216 с.; Крим в етнополітичному вимірі. К., 2005. С. 116–169; *Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008. 620 с.; *Брошеван В.М.* Крымская эпопея. Из истории Гражданской войны в Крыму. 1918–1920 гг. Симферополь, 2009. 81 с.; *Он же.* Граница между Крымом и Украиной проходит севернее Перекопа // Граница севернее Перекопа. Симферополь,

представляется сравнительно более широко известным, получившим обстоятельную апробацию во множестве современных публикаций. Гораздо объемнее представлена и документальная сторона деятельности государственных образований упомянутых субъектов.

Кроме того, в реальной жизни складывалось так, что от ситуации в Крыму практически на всех этапах периода зависимость характера и результатов взаимоотношений России, Украины и Крыма была большей, нежели от позиций, желаний, стремлений всех властей, сменявших друг друга севернее полуострова.

События февраля 2014 г. и последующих лет, однозначно квалифицируемые в официальных документах Украины, оценках руководителей государства, политиков как «временная оккупация Крыма», «аннексия» полуострова Российской Федерацией, как составная часть ведущейся против суверенного государства «гибридной войны», предельно актуализировали проблему на самых различных срезах, в т. ч. и в аспекте исторических реконструкций. Оперативное информационное пространство заполнилось множеством публикаций научного и популярного свойства[2]. Без особой опасности ошибиться можно предположить, что этот бурный процесс вряд ли в ближайшее время проявит тенденцию к затуханию.

Естественно, как ранее изданные, так и новейшие исследования и публикации не равноценны. Среди них встречаются и такие, которые не отвечают научным принципам и критериям. Немало и таких, которые несут на себе отпечаток политической конъюнктуры, идеологической предвзятости. Иногда интересные, добротные научные подходы, наработки соседствуют или переплетаются с весьма сомнительными, декларативными суждениями и оценками в пределах одних и тех же публикаций. Однако рефлексия на подобные явления, представляющаяся крайне необходимой, тем не менее, окажется более предпочтительной, сущностно целесообразной по ходу рассмотрения конкретных исторических ситуаций, когда в полной мере можно будет разобраться не только в логике теоретических рассуждений, выводов и обобщений, но и в необходимых случаях попытаться предметно оценить наличный историографический арсенал, сущность проявляющихся в этой сфере тенденций. При этом важно с пониманием относиться к тому, что основные источники, проливающие принципиальный свет на проблему, уже давно находятся в научном обороте[3], а их комплексное, системное, неискаженное использование – главный залог уяснения сущности обозначенной темы.

В данном случае речь не идет о том, что круг возможных источников совершенно исчерпан. Новейшие издания как раз дают основание для выводов о том, сколько действительно интересной, очень ценной информации еще хранится в архивных, частных, книжных хранилищах, каким поистине громадным является потенциал мемуарной и художественной литературы, тогдашней прессы. Одним из лучших подтверждений тут является упомянутая солидная

2004. С. 17–39; *Возгрин В.Е.* История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма: В 4 т. 2-е изд., стереотипное. Симферополь. 2013. Т. II. С. 862–932; Т. III. С. 3–217; *Іванець А.В.* Кримська проблема в діяльності УНР періоду Директорії (кінець 1918 – 1920 р.) Сімферополь. 2013. 176 с.; *Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. 340 с.

[2] См., напр.: Крим: шлях крізь віки. Історія у запитаннях і відповідях. К., 2014. 496 с.; Історія Криму в запитаннях та відповідях. К., 2015. 527 с.; *Вірменич Я.В.* Південна Україна на цивілізаційному пограниччі. К., 2015. 482 с.; *Турченко Ф., Турченко Г.* Проект «Новоросія» і новітня російсько-українська війна. К., 2015. 166 с.; *Петренко І.Є.* Політико-дипломатична діяльність українських національних урядів у Черноморському регіоні (1917–1920 рр.). Автореферат дис… канд. іст. наук. К., 2016. 17 с.; *Демченко О.П.* Країни Причорномор'я у зовнішній політиці Великої Британії (19171920 рр.). Дис… канд. істор. наук. Одеса, 2014. 243 с.; Проблемы истории Новороссии. М., 2015. 232 с.

[3] Борьба за Советскую власть в Крыму. Документы и материалы. Т. 1 (март 1917 г. – апрель 1918 г.). Симферополь, 1957. 320 с.; Т. 2 (май 1918 г. – ноябрь 1920 г.). Симферополь, 1961. 364 с.; Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. Симферополь, 1940. 176 с.; Українська Центральна Рада. Документи і матеріали: У 2 т. Т. 1: 4 березня – 9 грудня 1917 р. К., 1996. 591 с.; Т. 2: 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. К., 1997. 424 с.; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 р. Документи і матеріали: У 2 т., 3 ч. К., 2006. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 714 с.; Українська Держава (квітень – грудень 1918 року). Документи і матеріали: У 2 т. К., 2015. Т. 1. 790 с.: Т. 2. 412 с.; *Сергійчук В.* Етнічні межі і державний кордон України. К., 2000. С. 194–221; *Он же.* Неусвідомлення України. Ставлення світу до Української державності: погляд у 1917–1921 роки з аналізом сьогодення. Львів, 2002. С. 132–155.

монография А.С. Пученкова «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории». Воображение читателя буквально эпатирует лавина введенных в научный оборот данных, фактов, цитат, свидетельствующих о скрупулезнейшей работе автора, весьма похвальных стремлениях сущностно дополнить, обогатить знание по затрагиваемым вопросам едва ли не по каждому сюжету, аспекту, моменту. Несомненно, это сделало книгу очень привлекательной, заслуживающей всяческой похвалы.

В то же время нельзя сказать, что А.С. Пученкову удалось серьезно скорректировать закрепившиеся в научной историографии концепции, общие представления, коренным образом пересмотреть уже достигнутые обобщения и выводы. Этим не умаляется предпринятая капитальная, детальнейшая работа. Наоборот, автор привел просто колоссальнейшее количество аргументов, определенно подтверждающих (несколько, естественно, развивающих) выверенные научные подходы и оценки существующих историографических достижений. Иначе, впрочем, и быть не может, когда одни авторы используют, скажем, изданные и научно обработанные, с добротным научным сопровождением протоколы и стенограммы переговоров между РСФСР и Украинской Державой, а другие заимствуют эти же документы из периодической печати 1918 г.

Безусловно, постоянно умножающаяся фактологическая, документальная информация, эффективно дополняемая подробнейшими справочными материалами в области исторической персоналистики (особенно следует отметить довольно богатые традиции крымских ученых, творивших начиная с 1920-х гг. и далее – через Н.П. Надинского, В.Е. Возгрина до В.М. Брошевана, А.Г. и В.Г. Зарубиных, многих других), также привлекает внимание, превращает в чем-то известные образы множества политических, государственных общественных деятелей в более рельефные, многокрасочные, убедительные. Однако и здесь сколько-нибудь радикальных изменений или хотя бы кардинальных подвижек тоже не происходит.

Конечно же, при этом нельзя не упомянуть осуществленной на рубеже 1980-х – 1990-х гг. трансформации в оценках определенных процессов, феноменов, их репрезентантов. Но это несколько иной срез проблемы, который после почти тридцатилетней исследовательской практики стал той доминирующей реалией, в которую вписываются и отмеченные выше соображения, не требующие дополнительных разъяснений.

Наиболее зримым, весомым, даже не требующим сегодня доказательств является прочно вошедший в научный обиход феномен Украинской национально-демократической революции, сопряженные с этим представления о революционном процессе 1917–1921 гг. в целом.

При этом следует избегать сознательной «перелицовки» картины развития событий, которая подчас наблюдается при стремлениях сместить ударения по линии обеления, исторического оправдания одних лагерей – и социальных, и национальных – и перекладывания вины, исключительно или преимущественно, на одну («неприятельскую» с позиций априорных симпатий) силу. Не стоит пренебрегать «невыгодными» источниками при одновременной гиперболизации сведений, почерпнутых, скажем, из тенденциозных, в частности, мемуарных рукописей и публикаций, требующих сравнения с другими несомненными данными. Комплексный, системный научный анализ предполагает отказ и от подобной фактологической «селекции», воссоздание объективной, по возможности всесторонней и полной картины, к примеру, определения мотивации, масштабов, оценки и белого, и красного, и национального (националистически – татарского) террора. Естественно, нельзя допускать и бесстрастного уравнивания степени ответственности по принципу «все одинаково виноваты», или же наоборот – от конкретных политиков мало что зависело (а то и вовсе их позиция равным счетом ничего не значила) в ориентациях государственных образований, выборе и претворении в жизнь линии поведения, перспектив отношений с ближними и дальними соседями. В таком случае тоже не обойтись без последовательной системности и строгой конкретизации, персонификации происходившего.

Специально хочется застраховаться против наблюдающегося в последнее время нацио-центрического подхода к реконструкции событий в регионах с полиэтническим составом населения и обострившихся в революционной обстановке тенденций, окрашивавшихся в национальные тона. Крен в одну из сторон, даже небольшая абсолютизация ее, гиперболизация действительно имевших место позитивов довольно часто оборачиваются поиском негативов, иногда реальных, а иногда и надуманных, их преувеличениями, что в результате уводит от объективности, вызывает неприятие и сожаление.

Хотя избранный ракурс – изучение опыта взаимоотношений России, Украины (всех их тогдашних политически-правовых, государственных образований) и Крыма (также в соответствующих измерениях) – не предполагает последовательного, хроникального воссоздания картины всей многогранной жизни в субъектах, чему посвящено подавляющее число как упомянутых, так и огромной массы других изданий, в ряде случаев для понимания и разъяснения существа происходившего необходимо обращаться хотя бы к минимуму свершавшихся событий в несколько более общем плане. Однако, обращаясь к историографическим источникам, внимание в них должно фокусироваться лишь касательно очерченной узкой проблемы, а не с точки зрения их значения для развития исторической науки в целом.

В этом плане оправданными представляются и отклонения от общепринятых вариантов периодизации гражданской войны в России и в Украине. Калейдоскоп изменявшихся обстоятельств в регионе, качественно влиявших на сущность курсов, от которых зависели взаимоотношения государственных субъектов, обусловливает определенную хронологическую конкретизацию изучаемых явлений, тенденций, анализа процессов.

Как специальные работы, так и публикации обобщающего характера, думается, дают достаточно оснований для предметного, конструктивного решения обозначенной проблемы.

I. 1917 г. как историческая увертюра к судьбоносным трансформациям национально-государственной жизни

1. Крушение Российской империи и самоопределенческая эйфория окраинных этносов

В начале XX в. Россия оставалась самой крупной материковой империей, под игом которой на протяжении столетий изнемогали многие десятки больших и малых народов, мечтавших о разрушении ненавистной «тюрьмы народов», о национальной свободе, равноправии, создании условий для полноценной реализации собственных потенций, разностороннего прогресса во всех областях общественной жизни, об обеспечении возможностей плодотворного сотрудничества со всеми ближними и дальними соседями.

После Февральской революции 1917 г., свергнувшей российское самодержавие и давшей мощный импульс демократизации всех сфер общественной жизни страны, и в Украине, и в Крыму происходили серьезные качественные изменения.

В Украине с ранней весны национально-освободительное движение и социальные процессы приобрели такие масштабы и всеобъемлющее содержание, что получили научное обоснование и определение Украинской национально-демократической революции. Ее вдохновители, организаторы и лидеры, создавшие орган руководства борьбой за прогрессивное развитие края – Центральную Раду, теоретически разработали политическую программу революции, предопределившую ее практический курс. Он получил наименование автономистско-федералистской платформы. Наибольший вклад в обоснование программы внес неизменный глава Центральной Рады, выдающийся ученый-историк М.С. Грушевский[4]. Много сделали для ее конкретизации и пропаганды крупные интеллектуалы – общественные деятели В.К. Винниченко, С.А. Ефремов, И.М. Стешенко, М.И. Туган-Барановский, В.К. Прокопович, Н.Н. Ковалевский, А.Я. Шульгин и др. Их общими усилиями теоретические положения автономистско-федералистской программы стали достоянием широких слоев украинства, были единодушно одобрены Украинским национальным конгрессом (съездом), проведенным в Киеве 6–8 апреля 1917 г. Главной целью революции было объявлено возрождение государственности Украины на народоправной основе и вместе с другими нациями и народами осуществление трансформационных изменений в централизованной России соответственно с запросами, велениями времени. Лапидарная формула гласила: «Широкая национально-территориальная (областная) автономия Украины в федеративной демократической республике Россия» [5].

М.С. Грушевский как истинный демократ по образу мышления и поведения и как блестящий ученый, понимавший, что оптимальным вариантом определения границ государства должен был стать этнический критерий (не менее 50 % + 1 житель одной национальности каждой исторически сложившейся компактной отдельной территории), стремился следовать этому принципу неукоснительно. Об этом свидетельствует его предложение, чтобы в процессе формирования автономной Украины в ее состав не включать «уезды и волости неукраинские – как скажем, северные уезды Черниговской губ., восточные Кубанской и т. д.», присоединяя

[4] См.: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція: концепція та історіографія. К., 1997. С. 107–183.

[5] См.: *Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Історичний нарис. К., 1999. С. 156201; *Он же.* Україна в революційну добу. Історичні есе-хроніки: В 4 т. Т. 1: Рік 1917. Харків, 2008. С. 137–175.

только те районы, «**где украинское население составляет большинство** (в городах теперь украинцев меньше, однако города должны идти за большинством очерченной территории)»[6].

Процитированные положения взяты из брошюры М.С. Грушевского «Какой мы хотим автономии и федерации» (на украинском языке), написанной и изданной весной 1917 г. (в этом же году было еще два ее издания). И можно лишь предположить, что применение общего критерия к конкретным ситуациям только начиналось, находилось, так сказать, в первом приближении и потому председатель Центральной Рады допустил отклонение от им же сформулированной нормы. «Украинцы хотят, – писал он, – чтобы из украинских земель Российского государства (ибо о них идет речь пока, не касаясь другого вопроса – объединения всех украинских земель) была образована одна область, одна национальная территория. Сюда, значит, должны войти губернии вполне или в преобладающей части украинские – Киевская, Волынская, Подольская, Херсонская, Екатеринославская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Таврическая и Кубанская»[7]. Если в отношении последней содержалась отмеченная выше оговорка, а впоследствии и вовсе речь о Кубани не заходила (очевидно, несмотря на несомненный этнический фактор, надо было занимать прагматичную, реалистичную политическую, а не научную позицию), то касательно Таврической губернии появилось весьма определенное категоричное уточнение. В состав возрождаемой Украины (в любом статусе) предполагалось включить только северные, материковые уезды Таврической губернии, где не просто основным, но и преобладающим массивом жителей были этнические украинцы. Согласно переписи 1897 г., в материковой части – Бердянском уезде они составляли 58,8 % жителей, в Днепровском -73,6 %, Мелитопольском – 54,9 %[8].

Что же касается полуострова, то в новейшей историографии приводятся такие данные за 1917 г. Население полуострова составляло 809 тыс. лиц, представляющих 34 нации и народности и принадлежащих к 10 конфессиям. Объединенная группа «россияне и украинцы» составляла 49,4 %, крымские татары – 26,8 %. Естественно, численность этнических меньшинств была сравнительно незначительной[9].

Содержатся и более детальные сведения: украинцы составляли 12,5 % населения уездов (53 тыс.) и 3,6 % жителей городов Симферополя и Севастополя (11,6 тыс.), значительно уступая русским, которых было 29,3 % (124,2 тыс.) в уездах и 56,6 % (102,4 тыс.) в названных городах, а также татарам, составляющим 41,9 % (177,3 тыс.) в уездах и 11,6 % (38 тыс.) в городах. В суммарном выражении русских было 309,2 тыс., татар – 215,3 тыс., украинцев 64,4 тыс. из общего числа 749,8 тыс. жителей Крыма[10].

Имеющиеся в историографии статистические разночтения объяснить непросто. Очевидно, исследователи пользуются разными источниками, далеко не всегда прибегая к их уточнению, перепроверке, в частности – перекрестной. Тем не менее, отличия не нарушают «общей картины» – принципиального количественного соотношения, что, надо думать, было хорошо известно политическим деятелям 1917 г.

Учитывая объективное положение вещей, лидеры Центральной Рады последовательно ориентировались на вывод о том, что Крым не может являться территорией, априори включаемой в пределы автономной Украины. Несомненно, они рассчитывали и на адекватное понимание со стороны Временного правительства, полагая, что демократизм должен в полной мере

---

[6] *Грушевский М.С.* Якої ми хочемо автономії і федерації // Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М.С. Грушевського. К., 1992. С. 121 (текст выделен автором).

[7] Там же.

[8] См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1904. XLI. С. 4.

[9] Історія Криму в запитаннях та відповідях. С. 308–309.

[10] См.: *Володарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003. С. 130–131.

распространяться на национальную сферу и официальному Петрограду в принципе нечего возразить на вполне объективный, справедливый подход к проблеме с украинской стороны, а также что правительство обязано согласиться с закономерными, обоснованными предложениями.

С занятой позиции М.С. Грушевский, Центральная Рада не сходили, несмотря ни на развернувшееся в Крыму достаточно активное украинское движение (создание политических партий, общественных организаций, прессы, проведение массовых акций)[11], ни на неприглядные действия Петрограда, противодействовавшего любым шагам украинского политикума, направленным на реализацию намеченной программы и отступавшему даже от собственных обещаний. Согласно обнародованной Временной инструкции Генеральному секретариату Временного правительства в Украине от 4 августа 1917 г., прерогативы автономной украинской власти ограничивались пятью губерниями Юго-Западного края. Что же касается других территорий с преобладанием украинского этнического элемента, Временное правительство определяло, что полномочия украинской исполнительной власти «могут быть распространяемы и на другие губернии или части их в случаях, если образованные в сих губерниях на основании постановления Временного правительства земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения»[12].

Конечно, в условиях развертывания в России весьма непростых, во многом противоречивых процессов, еще большей сумятицы в их массовом восприятии, субъективных, нередко предвзятых толкованиях появлялись самые различные, вплоть до взаимоисключающих оценки происходящего конкурирующими политическими силами. Последние для сохранения влияния на свой традиционный актив, а также привлечения любой ценой новых сторонников часто прибегали к различного рода подтасовкам, искажениям в пропагандистских материалах реальных ситуаций, иными словами, вели не вполне корректную политическую борьбу. Это обстоятельство должно обязательно учитываться исследователями, берущимися за реконструкцию исторических событий, преследующими цель публичного объективного неконъюнктурного научного информирования относительно важнейших страниц столетнего опыта, получивших в результате действия определенных факторов обостренную актуальность, приобретших новое общественное звучание.

Так, лишь отчасти можно согласиться с утверждениями тех авторов, которые считают, что «одним из определяющих ситуацию и в то же время чрезвычайно болезненным для Крыма оказался вопрос о взаимоотношениях с Украиной»[13]. И дело не только в том, что тут ретроспективно, вопреки хорошо известным фактам, «сгущаются краски». Удивительно другое. Причина осложнений односторонне усматривается в курсе и поведении украинского политикума.

«Центральная рада, все более дистанцируясь от центра, – заявляется в солидной монографии, – проявляла в то же время и все большее желание втянуть в орбиту своей “самостийности” Крымский полуостров». Декларируя демократические и социалистические принципы, Рада «постоянно демонстрировала по отношению к Крыму аннексионистские замашки»[14].

Какие же аргументы приводятся в пользу выдвинутых обобщений и даже более того – ретроспективных обвинений?

Из фактов приводится всего один, и тот в крайне тенденциозной интерпретации: «Рада между тем действовала с откровенной бесцеремонностью (здесь и далее в цитате подчеркнуто мною. – *В.С.*). В июле губкомиссар Богданов получил телеграмму за подписью генерального секретаря по внутренним делам (!) В.К. Винниченко (кстати говоря – это был и глава

---

[11] См.: Крим в етнополітичному вимірі. С. 118–120 и др.

[12] Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. К., 1996. С. 214.

[13] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008. С. 141.

[14] Там же.

Генерального Секретариата. – *В.С.)* с приглашением (требованием?) прибыть на “предварительное краевое Совещание” 25-го числа. В Крыму это было расценено как вмешательство в его внутренние дела. Бюро Губернского комитета (Объединенного комитета общественных организаций. – *В.С.)* 14 июля, “обсудив вопрос и принимая во внимание, что Губернский Комиссар не получал от Временного Правительства никаких указаний на включение Таврической губ[ернии] в состав будущей Украины, что и по существу вопроса включение Таврической губернии, весьма пестрой по национальному составу, с меньшинством украинского населения, является нежелательным, что даже в северных уездах, где можно предполагать численное превосходство украинцев, вопрос этот не возникал или был решен отрицательно, постановило: представителей на краевое совещание от Таврической губернии не посылать”»[15].

Тут, очевидно, следует обратить внимание, по крайней мере, на следующее.

Документальных материалов о проведении 25 июля 1917 г. предполагаемого совещания не выявлено. В это время В. Винниченко во главе делегации Центральной Рады находился в Петрограде. Однако протокол заседания Комитета (Президиума) Центральной Рады за упомянутый день[16] дает основания считать, что на «предварительное совещание» приглашались сторонники преобразования России в федеративную демократическую республику для проведения съезда негосударственных (т. е. не имевших до того момента собственной государственности) народов. Решение о созыве такого форума было принято Украинским национальным конгрессом (съездом), поручившим «Центральной Раде взять как можно быстрее инициативу союза тех народов России, которые добиваются, как и украинцы, национально-территориальной автономии на демократических основаниях в Федеративной Российской Республике» [17].

Поскольку надежды на то, что такой форум может быть проведен в Петрограде или Москве не оправдались из-за противодействия Временного правительства, Центральная Рада решила осуществить подготовительные мероприятия для созыва съезда в Киеве. Стремясь застраховать Генеральный секретариат как орган украинской власти от возможных обвинений в превышении полномочий, присвоении наднациональных функций, инициаторы начавшегося процесса предложили создать некую «общественную организацию» или «комиссию»[18].

Представляется важным обратить внимание и на то, что сколько-нибудь реальной, скажем, административной властью Генеральный секретариат в означенный период не обладал. В.К. Винниченко совсем не случайно наименовал его (период) временем «организации морально-правовой власти», когда делались только первоначальные осторожные шаги к реализации «юридически-правовой власти»[19].

Естественно, Временное правительство, его органы на местах (общественные комитеты и губернские комиссары), упрямо продолжавшие проводить обанкротившуюся великодержавную политику самодержавия, были решительными противниками любых шагов, направленных на децентрализацию бывшей империи, демократизацию межнациональных отношений.

Вот для них и было характерно выдавать спокойные и деловые (без подтекста и двойных стандартов) предложения и приглашения как опасные «требования» украинства, за которыми «скрывается огромная доза шовинизма и даже черносотенства». И если для политиков 1917 г. практика ставить все с ног на голову была привычной (хотя и не помогла ввести в заблуждение массы), то акцент на такой позиции (авторы цитируемого труда курсивом выделяют слова из

---

[15] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 142.

[16] Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. С. 193–197.

[17] Там же. С. 61.

[18] Там же. С. 195.

[19] См.: *Винниченко В.* Відродження нації. Заповіт борцям за визволення. К., 2008. С. 143–157; 187–201.

документов и публикаций представителей кадетской и других партий) у современных читателей вызывает только недоуменные вопросы.

Может быть, некие «смягчающие обстоятельства» следует искать не столько в идейных ориентациях крымских историков, сколько в уровне профессиональной компетенции. Так, обвиняя Центральную Раду в стремлении «втянуть в орбиту своей «“самостийности” Крымский полуостров», стоило бы учитывать, что лидеры Украинской революции до января 1918 г. последовательно придерживались автономистско-федералистской платформы, а не пользоваться заключенным в кавычки термином «самостийность». В Конституцию Украинской Народной Республики был включен не Закон о национально-территориальной автономии, как ошибочно указывается в монографии[20], а Закон о национально-персональной автономии[21] (возможно, авторы не видят разницы в терминах, но она сущностно серьезна). Не соответствует действительности, больше того – находится в противоречии с данными, приводимыми на других страницах книги[22], утверждение о том, что в 1917 г. в Крыму «большинство нетатарского населения было по происхождению – украинцами»[23]. Так, судя по всему, «выгодно» для конкретного сюжетного вывода. Остается загадкой, где авторы могли вычитать в Третьем Универсале Центральной Рады, квалифицированного ими «двусмысленным», как и в любом другом документе ноября 1917 г., о «притязаниях на Черноморский флот»[24]. Однако авторы находят необходимые «веские поводы», чтобы «усомниться в искренности официально заявленной линии Киева относительно Крыма»: телеграмма и «многочисленные циркуляры» (к сожалению, приходится усомниться в их существовании. – *В.С.*), направленные на переподчинение органов свергнутого Временного правительства украинской власти, «которые, впрочем, в Крыму игнорировались», а включение Универсалом трех северных уездов в состав Украины «разрывало» губернию «на две части». Подобных примеров столь «вольного обращения» с источниками, оперирования недостоверными сведениями в книге, к сожалению, немало. Потому признать сколько-нибудь обоснованными выводы и обобщения книги «Без победителей» относительно позиции Центральной Рады в вопросе взаимоотношений с Крымом в 1917 г. вряд ли возможно.

После свержения Временного правительства Центральная Рада, рассмотрев на своем заседании 31 октября 1917 г. вопрос об объединении украинских земель, приняла постановление о распространении «в полной мере власти Генерального секретариата на все отграниченные земли Украины, где большинство населения является украинским, а именно – Херсонщину, Екатеринославщину, Харковщину, материковую Таврию, Холмщину, часть Курщины и Воронежчины»[25].

Такой же подход был официально зафиксирован и в Третьем Универсале Центральной Рады, провозгласившим создание Украинской Народной Республики. В важнейшем государственническом документе заявлялось: «К территории Народной Украинской Республики принадлежат земли, населенные в большинстве украинцами: Киевщина, Подолия, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма)»[26].

В проекте Конституции Украинской Народной Республики, датированном 10 декабря 1917 г., обозначенный в Универсале подход был в целом сохранен: «Территория Украинской Республики охватывает такие земли с преимущественно украинским населением, кото-

---

[20] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 141.

[21] Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 2. С. 99–101; 335.

[22] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 15.

[23] Там же. С. 142.

[24] *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Указ. соч. С. 223, 235 и др.

[25] Там же. С. 379.

[26] Там же. С. 400.

рые сейчас принадлежат к Российскому государству: губернии Киевскую, Подольскую, Волынскую, Холмскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую, за исключением частей неукраинских (как Крым) и присоединением соседних территорий украинских»[27].

Обращает на себя внимание то, что речь идет о землях с преимущественно украинским населением, принадлежащих в тот момент к Российскому государству. Очевидно, это было вызвано потребностью застраховаться от возможных обвинений в претензиях украинского политикума на западноукраинский регион, входивший в состав Австро-Венгрии. А относительно Таврической губернии специально оговаривалось, что Крым является преимущественно неукраинским и на этом основании в предполагаемые границы формируемого украинского государства он принципиально не включался. Причем тут ясно просматривается четкая позиция, строго основанная на этническом критерии определения территории УНР.

Что же касается Крыма, то априори признавался суверенитет той власти, которая только начинала формироваться и с которой предполагались равноправные отношения в деле преобразования России в федеративное государство с однородно социалистическим правительством во главе. Так, 23 ноября 1917 г. Генеральный секретариат обратился «к правительству Юго-Восточного союза казаков, горцев и народов вольных степей», в котором говорилось, что украинская сторона «полагает необходимым приступить к образованию центрального российского правительства и с этой целью обращается ко всем существующим органам краевой власти, а именно к правительству Кавказа, к правительству Сибири, к органу автономной Молдавии, к органу власти автономного Крыма, к органу власти автономной Башкирии и к остальным организованным областям, а равно и к Народному Совету в Петрограде с предложением немедленно вступить в переговоры с Генеральным секретариатом об образовании социалистического правительства России…»[28].

Из документа совершенно определенно явствует, что Крым рассматривался Центральной Радой и Генеральным секретариатом как самоопределяющаяся национально-государственная единица, однотипная по статусу с Украинской Народной Республикой и другими национально-государственными образованиями того времени.

Хорошо известно, что параллельно с процессами становления государственности под эгидой Центральной Рады в крае разворачивалась интенсивная борьба за установление советской власти. Шедшие в ее авангарде большевики, начиная с Февраля, отстаивали принцип национального самоопределения вплоть до государственного отделения. Однако они имели сомнения относительно включения в состав возрождаемого украинского государства ряда территорий со смешанным в этническом отношении населением. К таким регионам относились, по их мнению, Юго-Восток и Юг Украины. Их принадлежность к создаваемым национально-государственным образованиям предполагалось решить путем референдумов или плебисцитов.

В обострившемся в начале декабря 1917 г. противостоянии, конечно, было не до соблюдения буквы программных положений. Первый Всеукраинский съезд Советов (11–12 декабря, Харьков) провозгласил Украину республикой Советов, находящейся в федеративной связи с Советской Россией[29]. Относительно границ, кроме разговоров и не вполне четкой резолюции о статусе Донецко-Криворожского бассейна, никаких решений не принималось. А судя по тому, что официально сохранялось название – Украинская Народная Республика, – признавались ее

[27] Народня воля (Київ). 1917. 16 грудня.

[28] Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. С. 473–474.

[29] Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Сб. документов и материалов: В 3 т. Т. 2. К., 1957. С. 573–576.

территориальные границы, определенные Центральной Радой[30]. То есть и в данном случае о принадлежности Крыма к Украине речи не шло.

Подписывая 27 января 1918 г. договор о мире между Украинской Народной Республикой и Центральными государствами (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция), естественно, подразумевались границы, провозглашенные Третьим и по существу подтвержденные Четвертым Универсалом (12 января 1918 г.). Существуют даже утверждения, что в ходе мирных переговоров украинская делегация отклонила предложения немцев включить Крым в сферу национальных интересов УНР, ссылаясь главным образом на право татарского народа на самоопределение[31].

Однако, как часто бывает, жизнь внесла свои коррективы.

И Центральная Рада, и большевики как в центре, так и на местах (хотя тут приходится говорить о большинстве, а не обо всех без исключения партийных функционерах) выступили против тенденции абсолютизации специфики экономически-регионального развития, превращения ее в определяющий фактор формирования национально-государственных образований, возникавших на руинах бывшей жестко централизованной полицейской страны. Конечно, имеются в виду прежде всего Донецко-Криворожская советская республика и Одесский совнарком[32].

Впрочем, отмеченные проявления сепаратизма непосредственно не касались Крыма, где к весне 1918 г. произошло немало событий, «вписывавшихся» в общий контекст революционных трансформаций и одновременно образовавших своеобразный отдельный территориально-политический «котел».

Очень важно иметь ввиду, что Крымский полуостров, составлявший большую часть Таврической губернии России, к рассматриваемому моменту представлял собой сложный узел обострившихся противоречий. Его очень пестрое по этническому составу население в целом объективно испытывало потребности не только социального и национального освобождения, характерные для всех окраин империи, но и возраставшее внутрирегиональное напряжение, порождаемое во многом исламским фактором, существенно усиленное и на общегосударственном и опять-таки на местном уровне после присоединения Турции к Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Исходившие из главной исламской цитадели импульсы априори воспринимались как враждебные интересам Антанты (Россия, Англия, Франция). Это обстоятельство создавало устойчивое труднопреодолимое мнение, что более чем 200-тысячный крымско-татарский этнос[33] – это пятая колонна в христианском славянском мире, потенциальный и реальный противник российских устремлений, разлагающе воздействующий на и без того непрочную общероссийскую общность.

После свержения самодержавия на полуострове были созданы органы власти Временного правительства, образовались Советы рабочих и военных депутатов, пустили ростки и некоторые украинские организации. Так, в апреле 1917 г. в Севастополе был создан Совет украинской черноморской громады, а Черноморская Рада инициировала создание украинских рад и комитетов на всех кораблях, в Севастопольской морской крепости. Активизации деятельности этих организаций благоприятствовало то, что до 75–80 % личного состава флота (40 тыс. военнослужащих) составляли украинцы, призывавшиеся на службу из украинских губерний.

---

[30] *Варгатюк П.Л., Солдатенко В.Ф., Шморгун П.М.* В огне трех революций. Из истории борьбы большевиков Украины за осуществление ленинской стратегии и тактики в трех российских революциях. К., 1986. С. 550–554.

[31] Історія України в запитаннях та відповідях. С. 310.

[32] См.: *Курас І.Ф., Солдатенко В.Ф.* Соборництво і регіоналізм в українському державотворенні (1917–1920 рр.). К., 2001. С. 37–64; *Солдатенко В.Ф.* Феномен утворення Донецько-Криворізької радянської республіки 1918 року // Світогляд. 2015. С. 70–77.

[33] *Возгрин В.Е.* История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма: Т. II. С. 852.

Правда, процент офицеров-украинцев был незначительным[34]. Маловлиятельной оказалась и Украинская морская рада, созданная из делегированных военно-морскими частями членов Центральной Рады.

Вообще можно говорить о том, что лидеры Украинской революции длительное время не могли определиться в вопросах о морских границах государства, их естественном гаранте – флоте. Осложнения возникали, в частности, и вследствие того, что основная база дислокации Черноморского флота находилась в Севастополе, частично – в других городах полуострова, который не считался автохтонно украинским. А необходимые конструктивные решения (конечно, непростые, гибкие, тонкие) просто не вырабатывались.

[34] См.: *Солдатенко І.В.* Проблема Чорноморського флоту в контексті соборності України (березень 1917 – квітень 1918 рр.) // Проблеми соборності України в XX столітті. К., 1994. С. 70–71.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.